
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ

УДК 82.091 + 801.733

DOI: 10.31249/lit/2024.02.06

МИРОЛЮБОВ И.А.¹ ВАРИАЦИИ ОБРАЗА ПРИРУЧЕННОГО ЛЬВА В АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ[©]

Аннотация. Лев был хорошо известен в Античности и занимал важное место в культуре греков и римлян. После походов Александра Македонского в античном мире распространилась практика содержания львов в качестве домашних питомцев. Образ «одомашненного», прирученного льва получил развитие в античной литературе. Трактовался он двояко. С одной стороны, такой лев выступал символом роскошного образа жизни, порабащивающего того, кто его ведет. С другой стороны, лев, как и всякий хищник, был символом тиранического правления. В этом смысле примечательны сообщения древних авторов о ряде римских императоров, содержавших львов. В статье сообщения о домашних львах рассматриваются в связи с характеристикой их владельцев в античной нарративной традиции.

Ключевые слова: античный бестиарий; львы в античной литературе; античная нарративная традиция; римские императоры.

Для цитирования: Миролубов И.А. Вариации образа прирученного льва в античной литературе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2024. – № 2. – С. 86–100. DOI: 10.31249/lit/2024.02.06

¹ **Миролубов Иван Андреевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева; peter-herzog@yandex.ru
© Миролубов И.А., 2024

MIROLYUBOV I.A.¹ The image of tamed lion in ancient literature[©]

Abstract. The lion was well known in Classical Antiquity and occupied an important place in the culture of the Greeks and Romans. After the campaigns of Alexander the Great, the practice of keeping lions as pets spread throughout the Ancient World. The image of a “domesticated”, tamed lion was developed in ancient literature. It was interpreted in two ways. On the one hand, such a lion was a symbol of a luxurious lifestyle that enslaves the one who leads it. On the other hand, the lion, like any predator, was a symbol of tyrannical rule. In this sense, the reports of ancient authors about a number of Roman emperors who kept lions are noteworthy. The article examines reports of domestic lions in connection with the characteristics of their owners in the ancient narrative tradition.

Keywords: ancient bestiary; lions in ancient literature; ancient narrative tradition; Roman emperors.

To cite this article: Mirolyubov, Ivan A. “The image of tamed lion in ancient literature”, *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies*, no. 2, 2024, pp. 86–100. DOI: 10.31249/lit/2024.02.06 (In Russian)

В январе 2019 г. мне довелось выступить на научной (но при этом очень теплой по атмосфере) конференции «Бестиарий как *ars combinatorica*». Он проводилась в стенах РГГУ под руководством Александра Евгеньевича Махова и Ольги Львовны Довгий. Темой моего доклада тогда было звероподобие образов римских императоров рубежа III–V вв. в трактате поздеантичного риторика и христианского апологета Лактанция [Миролюбов, 2017; Миролюбов, 2020]. Во многом благодаря интересу к моему докладу со стороны руководителей конференции я продолжил изучение некоторых бестиарных аспектов греко-римской культуры, за что, пользуясь случаем, и хотел бы выразить им благодарность. Настоящую

¹ **Mirolyubov Ivan Andreyevich** – Candidate in History, Associate Professor, Chamber of History, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy; peter-herzog@yandex.ru

© Mirolyubov I.A., 2024

«львиную» статью¹ я бы хотел посвятить доброй памяти (βοηαε ηεηογίαε) Александра Евгеньевича, чьи доклады я несколько раз имел честь слушать. Но пролог, говоря словами древнего историка, не должен быть длиннее пьесы, а потому обратимся непосредственно ко львам.

Лев – хорошо известное в греко-римском мире животное. Близкому знакомству с ним способствовали как активные контакты греков с разными уголками ойкумены, так и то обстоятельство, что вплоть до конца II века до н.э. львы жили на Балканах и в прилегающих регионах [Atlas of terrestrial mammals ... , 2012, p. 187–189; Masseti, Mazza, 2013]. По мере расширения географического кругозора римлян лев стал знаком и им². Соответственно, лев занимает важное место в античной культуре уже на ранних этапах ее становления. Так, лев встречается в древнегреческих мифах: противостояние с Немейским львом – один из важнейших подвигов героя Геракла. Лев неоднократно упоминается у Гомера. В его текстах встречаем прилагательное θυμολέων, т.е. «с львиной душой», храбрый [Montanari, 2015, p. 954]. Охота на льва – традиционное занятие древнегреческих аристократов, как о том сообщает в комедии «Третейский суд» драматург Менандр³ (IV в. до н.э.); позднее охотой на львов будут увлекаться и римские аристократы и императоры.

Традиция держать львов в качестве домашних любимцев возникла в античной культуре сравнительно поздно. Несомненно, что появилась она под влиянием восточных (особенно персидских) дворов, где издревле были известны сады, напоминающие совре-

¹ До некоторой степени в ней развиваются положения, сформулированные в предыдущих моих «бестиарных» работах: [Миролюбов, 2021; Миролюбов, 2022].

² Само название зверя (leo) заимствовано из греческого (λέων). Львы фигурируют уже у ранних римских авторов – Гнея Невия и Тита Макция Плавта, работавших в III и начале II в. до н.э. [Oxford Latin Dictionary, 1968, p. 1017].

³ Отрывок приведен в издании: [Менандр, 1982, с. 115]. Как кажется, в этом был элемент подражания, так как к Гераклу возводили свое происхождение многие аристократические фамилии классической древности [Patterson, 2021]. В этом контексте примечательно и сопоставление со львом Александра Македонского историком Плутархом: выдающийся завоеватель считался потомком и поборовавшего льва Геракла, и героя Ахилла, главного персонажа «Илиады», называемого там «обладающим львиной душой»: [Hamilton, 1969, p. 3–4].

менные зоопарки. О подобных зверинцах со львами в Вавилоне упоминает Плутарх, описывая последние месяцы жизни Александра Македонского (Alex. 73.3; [Плутарх, 1994, т. 2, с. 162]). Львы в этом зверинце, впрочем, не были ручными, коль скоро полководца Лисимаха Александр отправляет к свирепым львам в наказание (Pausan. Descript. Graec. I.9.5 [Павсаний, 1996, т. 1, с. 58]). Характерно, что старший современник Александра, философ Диоген Синопский, иллюстрирует содержанием льва в домашних условиях свое наставление ученикам. Об этом рассказывает философ-киник Клеомен (в передаче Диогена Лаэртского): «...ученики хотели выкупить Диогена (из рабства. – *И. М.*), но он обозвал их дураками, ибо не львам бывать рабами тех, кто их кормит, но тем, кто кормит, – рабами львов, потому что дикие звери внушают людям страх, а страх – удел рабов» (Vitaе pilosoph. VI.2.75 в переводе М.Л. Гаспарова: [Диоген Лаэртский, 1986, с. 237]). Однако впоследствии, уже в правление эллинистических царей, львов стали дрессировать. Так, у одной из цариц эпохи эллинизма, носившей имя Береники, был ручной лев. Сообщает о нем собиратель занимательных сюжетов II в. Клавдий Элиан: «...Беренику сопровождал укрощенный лев, который ничем не отличался от ее служанок. Он вылизывал ее лицо языком, разглаживая морщины, и был ее сотрапезником, угощаясь за столом кротко и скромно, словно человек» (De nat. anim. V.39; перевод наш по изданию: [Aelian, 1958, vol. 1, p. 334]). Такой лев уже не мог внушать страх своим хозяевам, однако мысль Диогена все же получила закрепление в литературе. Христианский апологет Тертуллиан, живший на рубеже II–III вв., в сочинении «О душе» использует пример льва царицы Береники в своей полемике с Платоном. Он пишет: «Знание же природного даже в зверях не слабеет. Лев совсем забудет о свирепости, наученный в процессе дрессировки кротости, и, потрясая своей огромной гривой, станет забавой какой-нибудь царицы Береники, облизывая языком ее щеки. Повадки покинут зверя, знание же природного сохранится. Не забудет он о естественной пище, о природных лекарствах, о естественных страхах. И если царица ему предложит еду из рыбы и пирогов, он пожелает мясо...» (De anim. 24 в переводе А.Ю. Братухина: [Тертуллиан, 2004, с. 81–82]). Здесь напрашивается вывод, что лев, хотя и отказывающийся от свирепости, все же не отказывается от своей приро-

ды (к примеру, прожорливости и пристрастия к пище животного происхождения), тем самым подчиняя человека своей воле. Это образ верного своей природе и потому прожорливого льва, господствующего над своим хозяином, мы находим у римского поэта Децима Юния Ювенала, писавшего на рубеже I–II вв. В одной из своих сатир он жалуется на скудость тех средств, которыми его одаривают покровители. О некоем богаче Нумиторе он пишет: «Сам Нумитор не бедняга ль? Послать ему нечего другу, / Только всего на подарки Квинтилле находятся деньги; / Есть и на то, чтоб льва приобрести ручного, что мясо / Жрет помногу: ведь зверь, как известно, стоит дешевле, / Нежели брюхо поэта, который съест что угодно» (*Satur.* 7.74–78 в переводе Д.С. Недовича и Ф.А. Петровского: [Римская сатира, 1989, с. 286–287]). В этих ироничных стихах образ прожорливого льва удачно подчеркивает фигуру алчной любовницы¹, на которую уходят богатства Нумитора, не имеющего возможности покровительствовать поэту. Так, прирученный лев, равно как и любовница на содержании, являющиеся атрибутами роскошной жизни их господина – Нумитора, сами по сути оказываются господами над ним, растрачивая его богатства.

Другая вариация образа «одомашненного» льва – и более распространенная в античной литературе – связана с его пребыванием возле политического лидера. Наиболее древним сюжетом в этом ключе была история о некоем карфагенском политике Ганноне, приручившем льва. Изложение ее мы находим у авторов I в. н.э. – энциклопедиста Плиния Старшего и философа и историка Плутарха, однако нет сомнения, что они взяли ее из каких-то более древних источников². Плиний Старший излагает сюжет разверну-

¹ Античный комментатор Ювенала называет Квинтилле *meretrix*, т.е. куртизанкой [Juvenalis, 1839, p. 238]. Попутно стоит отметить привычное для античной культуры уподобление куртизанок и проституток хищницам. Так, к примеру, в VI в. до н.э. известна афинская гетера Лезна, т.е. Львица. То же имя носила гетера III в. до н.э., бывшая любовницей македонского царя Деметрия Полиоркета [Dreyer, 1999, S. 1203–1204]. У римлян термин *lupa* (волчица) использовался для обозначения как хищницы, так и проститутки [Oxford Latin dictionary, 1968, p. 1051].

² Это очевидно хотя бы из того, что Карфаген как независимое государство прекратил свое существование в 146 г. до н.э., после поражения в Третьей Пунической войне. Плиний Старший и Плутарх, таким образом, излагают сюжет из жизни государства, от исторического существования которого их отделяло два с половиной столетия.

то: «...осмелившимся приручить льва и показать его, уже прирученного, был, как говорят, Ганнон, один из самых выдающихся карфагенян, за что и был наказан: ведь рассудили, что человек со столь изобретательным умом способен убедить людей в чем угодно и что они (карфагеняне. – *И. М.*) ошибочно доверили свою свободу тому, кто сумел полностью подчинить себе даже свирепость» (Plin. Hist. Nat. VIII.55 в переводе И.Ю. Шабаги: [Плиний Старший, 2012, с. 204]). Плутарх предлагает более емкий вариант: «Изгнали же они своего Ганнона, обвинив его в тираническом образе мыслей за то, что лев служил ему в походах выючным животным» (Plut. Praecepta gerend. rei publ. 799e в переводе С.С. Аверинцева: [Плутарх, 1983, с. 586]). Примечательна здесь сложная логическая цепочка: приручение льва, его бытование рядом с политиком расценивается обществом как неопровержимое свидетельство его тиранических наклонностей. Уже упоминавшийся Клавдий Элиан подкрепляет образ льва в качестве символа тирана примерами из древнегреческой истории: он сообщает, что ручные львы были сотрапезниками катанского тирана Ономарха и спартанского царевича Акротата [Smith, 2014, p. 226–227].

Однако гораздо больше материала для разработки образа льва как спутника тирана дают сюжеты уже римского времени. Первым римлянином, который обладал прирученными львами, был, по сообщениям античной традиции, полководец и государственный деятель I в. до н.э. Марк Антоний. Львы фиксируются в его окружении применительно к событиям 49 г. до н.э. Это время крушения Римской республики, прологом к которому стало противостояние полководцев Гая Юлия Цезаря и Гнея Помпея. Цезарь, отправляясь для ведения военной кампании против сил Помпея, поручил Антонию управление Италией. Тот объезжал Италию в повозке, запряженной львами, сопровождаемый актрисой Киферидой и толпой лиц с сомнительной репутацией. Наиболее раннее упоминание об этом инциденте мы встречаем у современника Антония, оратора Марка Туллия Цицерона. В своей речи от ноября 44 г. до н.э. он говорит: «Разъезжал на двуколке народный трибун (Марк Антоний. – *И. М.*); ликторы, украшенные лаврами, шли впереди; между ними в открытых носилках несли актрису, которую почтенные жители муниципиев, вынужденные выходить из городов навстречу ей, приветствовали, называя ее не ее известным

сценическим именем, а Волумнией. За ликторами следовала повозка со сводниками – негоднейшие спутники! Подвергшаяся такому унижению мать Антония сопровождала подругу своего порочного сына, словно свою невестку...» (Philipp. II.24.58 в переводе В.О. Горенштейна: [Цицерон, 1962, т. 2, с. 302]). Как мы видим, львов оратор не упоминает. Куда большее раздражение у него вызывают нарушения политических традиций римлян¹ и моральных устоев². Однако о львах Цицерон сообщает в письме своему другу Помпонию Аттику, датированном 7 мая 49 г. до н.э.: «Львов Антония не пугайся; нет ничего приятнее этого человека. Обрати внимание на деяния государственного мужа (далее следует ироническое перечисление свершений Антония. – *И. М.*)» (ad Att. X.13.1 в переводе В.О. Горенштейна [Цицерон, 1950, с. 320]). Таким образом, ручные львы рассматриваются Цицероном как элемент экстравагантности Антония, но политического подтекста он в этом сюжете не видит. Вероятно, что никакого политического или иного смысла не придавал своему жесту и сам Антоний³. Более глубокое понимание этого сюжета стало возможным лишь по прошествии значительного времени, когда римские авторы способны были рассмотреть процесс разрушения республики и становления империи ретроспективно. Натуралист Плиний Старший, пересказывая сюжет спустя сто лет, сдвигает его на время после Фарсальской битвы (9 августа 48 г. до н.э.) – решающей в противостоянии между Цезарем и Помпеем. В изложение он включает морализаторский элемент и предлагает видеть в прирученных львах символ того, что под ярмо могут попасть и «благородные

¹ Ликторы (служители при высших должностных лицах Римской республики) не полагались Антонию по статусу, так как на тот момент он занимал должности народного трибуна и пропретора [Broughton, 1952, p. 258].

² Антоний, римское должностное лицо и женатый мужчина, открыто (в том числе и в присутствии матери) демонстрировал свою связь с актрисой, которой пытался приписать принадлежность к древней патрицианской семье Волумниев.

³ Род Антония восходил к древнегреческому герою Гераклу, одним из символов которого был лев. Кроме того, большие кошки входили в число атрибутов таких божеств как Дионис и Кибела. Позже Антоний стал интересоваться культом Диониса [Смыков, 2002], но эпизод со львами не был связан с этим увлечением никем из древних авторов.

души» (Hist. Nat. VIII.55; [Плиний Старший, 2012, с. 203]). Этот он намекает на установление нового политического порядка, который упрекали за наступление на республиканские свободы. Символом этого порядка он изображает запрягающего в колесницу львов¹ Антония, представленного им, в соответствии с данными римской исторической традиции, разнузданным деспотом².

Львы нередко встречаются в нарративе о римских императорах. Чаще это, конечно, упоминания в контексте устройства зрелищ, однако у некоторых императоров львы жили на правах питомцев. Так, львов при себе держали Нерон, Домициан, Коммод, Каракалла и Гелиогабал (Элагабал). Примечательно, что перечисленные персоналии воспринимались в римской исторической традиции как «плохие»³ императоры. Более того, во всех случаях, кроме Домициана, лев упоминается авторами для демонстрации именно тиранического характера конкретного императора. Ручного льва Домициана (правил в 82–96 гг.) упоминают два поэта-современника, Марк Валерий Марциал и Публий Папиний Стаций⁴. Первый восхищается незлобивостью льва (Epigramm. I.6; 14; [Марциал, 1968, с. 31–33]); второй посвящает гибели этого льва

¹ Попутно стоит отметить, что, по мнению Е.В. Смыкова, никаких львов Антоний вовсе не запрягал. В речи Цицерона упоминаются «сводники» (lenones), так что «львов» (leones) в письме оратора он объясняет либо ошибкой переписчика, либо неясным намеком автора: [Смыков, 2021, с. 105–106]. Как бы то ни было, запряженные львы, вне зависимости от реального положения вещей, получили развитие в нарративе об Антонии.

² Антоний, бывший ближайшим соратником Цезаря, проиграл в борьбе за единоличную власть его внучатому племяннику Октавиану (с 27 г. до н.э. – Август, первый римский император). В борьбе с Октавианом Антония поддерживала египетская царица Клеопатра, ставшая его любовницей, а затем и супругой. Пропаганда Октавиана старалась создать ему образ погрязшего в пороках деспота, находящегося в подчинении у египетской царицы: [Чисталев, 2014, с. 293–300]. В целом эта пропаганда удачно подкреплялась экстравагантностью Антония.

³ Древние авторы привыкли разделять императоров на «хороших» и «плохих» (тиранов). Таковая оценка часто обусловлена субъективными взглядами той или иной социальной группы, к которой принадлежал конкретный автор; в современной науке деятельность многих императоров была пересмотрена.

⁴ Оба поэта, будучи современниками Домициана, пользовались также его покровительством. Кроме того, Стаций умер еще в правление Домициана; Марциал же после падения императора переключился на прославление его преемников. О них: [Альбрехт, т. 2, с. 1030–1031, 1131–1132].

проникновенное стихотворение (Silv. II.5; [Стаций, 2021, с. 93–94]). Лев, подчеркивающий своей прирученностью могущество императора [Schulz, 2019, р. 84], мог бы стать добротной основой для упреков в адрес Домициана. Мы помним, что прирученный лев – символ тирана, а именно тираном Домициана изображала античная историография после его падения и гибели в 96 г. [Парфенов, 2006]. Кроме того, гибель льва могла быть включена в число знамений, предвещавших гибель самого императора. Однако по какой-то причине имеющаяся в нашем распоряжении нарративная традиция, созданная после смерти императора, проигнорировала эту деталь.

В случае с Нероном и Коммодом упоминаются львы, в единке с которыми император должен был подтвердить свою претензию на сходство с героем Геркулесом (греч. Гераклом). Сам герой относился к числу широко почитаемых фигур в античной культуре. Однако стремление к повторению подвигов Геркулеса воспринималось как сумасбродство [Loag, 2021, р. 513–515], и причину этого мы находим в действиях Нерона (правил в 54–68 гг.). Историк Светоний указывает, что на состязание с Гераклом император посягнул после того, как льстецы убедили его в способности сравняться с Аполлоном в артистических искусствах и с Солнцем в умении управлять колесницей (Suet. Nero 53; [Светоний Транквилл, 1964, с. 170]). Планируемое сражение Нерона со львом, кроме того, было бы скандалом само по себе, так как требовало от императора выступить на сцене в качестве гладиатора¹. Подражание Геркулесу стало несомненным признаком сумасбродства в правление Коммода (правил в 180–192 гг.), который усугублял это странное пристрастие многочисленными неадекватными своему положению поступками [Грант, 1998, с. 119–124]. Львы занимали

¹ Всякое выступление на публике в рамках зрелищ было несовместимо с достоинством римского гражданина. Нерон же, кроме того, относился к элите римского общества. Он был императором и представлял сразу три семейства: знатных плебеев Домициев (по родному отцу), патрициев Клавдиев (по приемному отцу, императору Клавдию) и патрициев Юлиев (к ним Нерон возводил родословную через сложную систему династических браков и усыновлений). Характерно, что и перед выступлением в качестве возницы Нерон долгое время давал выход страсти к гонкам на колесницах в частной обстановке своих вилл (Suet. Nero 22.2; [Светоний Транквилл, 1964, с. 156]).

важнейшее место в публичном образе императора: он боролся с этими зверями на арене, одетый в львиную шкуру (SHA Commod. 9.6; [Властелины Рима, 1992, с. 67]). В львиной шкуре император представлен на скульптурном портрете из Рима [Kleiner, 1992, р. 277; Hekster, 2002, р. 121–122]. Лев через сумасбродное стремление императора подражать Геркулесу сам становится символом сумасбродства, так что император Каракалла, охотившийся на львов, настоятельно просил не присваивать ему имени Геркулеса (SHA Anton. Caracall. 5.5; [Властелины Рима, 1992, с. 114]).

Император Каракалла (правил в 211–217 гг.), впрочем, встречал львов не только на охоте. Историк Кассий Дион, лично знавший императора, в рассказе о последних днях его правления пишет: «...лев, которого он называл “Акинаком” и с которым делил пищу и застольное ложе, вцепился в него, когда он выходил, и даже разорвал на нем одежду. Дело в том, что он держал и многих других львов и при нем всегда было несколько таких животных, но только этому льву он часто расточал ласки даже на виду у всех» (Hist. Rom. LXXIX.7.2 в переводе К.В. Маркова: [Кассий Дион Коккейан, 2011, с. 311]). Манера общения Каракаллы со львом схожа с тем, что мы видели в сюжете о царице Беренике. Впрочем, античный читатель воспринимал бы сообщение Диона совершенно иначе. Лев царицы Береники иллюстрировал свойственную эллинистическим дворам причудливую роскошь и то, как человек становится рабом этой роскоши. Лев Каракаллы – это лев при тиране, каковым этот император считался в римской исторической традиции. Изображая льва сотрапезником царицы Береники, Элиан снабжает этот эпизод картиной того, как лев облизывает ее щеки. Лев Каракаллы у Диона просто изображен сотрапезником императора, но при этом тот же автор неоднократно подчеркивает алчный, «хищнический» характер самого императора. Примечательно и имя льва – Акинак, по названию короткого скифского меча. Упоминание кличек животных – нечастое явление в греко-римской литературе, но здесь автор допускает это упоминание вполне осознанно, так как имя это – говорящее. Во-первых, оно напоминает о тех, кто пал жертвой алчности Каракаллы. Во-вторых, оно, вкуче с нападением льва, отсылает к смерти самого императора: Каракалла был убит коротким мечом, кинжалом (Hist. Rom. LXXIX.5.5; [Кассий Дион Коккейан, 2011, с. 310]). Более того, Ди-

он обыгрывает кличку льва еще и упоминанием о видении императора незадолго до смерти. В нем он будто бы видел отца, императора Севера, который держал в руке меч и грозил убить его точно так же, как тот убил своего брата, Гету (*Hist. Rom. LXXIX.7.1*; [Кассий Дион Коккейан, 2011, с. 311]). Лев, таким образом, вплетен в довольно сложный нарратив, в котором обвинения императору переплетаются с экспрессивным рассказом о его смерти. Лев – одновременно и символ существования тирана, и символ его смерти.

Многочисленные львы, равно как и другие хищные звери, упоминаются в связи с описанием двора императора Гелиогабала (правил в 218–222 гг.). Племянник Каракаллы, этот юный император стал одним из самых одиозных персонажей в римской истории [Грант, 1998, с. 152–156]. Его жизнеописание, датируемое V в., упоминает ручных львов дважды.

В первый раз львы появляются в описании застольных забав императора: «Были у него любимые прирученные львы и леопарды. Их, обученных укротителями, он неожиданно приказывал уложить за второй и третий стол, чтобы позабавиться страхом гостей, так как никто не знал, что звери – ручные. <...> Часто он запирал своих пьяных друзей и ночью внезапно впускал к ним прирученных львов, леопардов, медведей, так что, пробудившись на рассвете или, что было еще страшнее, ночью, они находили в той же комнате львов, медведей, леопардов; многие от этого испускали дух» (*SHA Heliog. 21.1; 25.1* в переводе С.П. Кондратьева: [Властины Рима, 1992, с. 143]). Указание на неопасность хищников здесь особенно примечательно. Как мы уже отмечали выше, лев (и – шире – хищник) – символ тирана. Если прожорливый лев с хищным именем у Каракаллы полностью соответствует характеру этого императора, то аналогичного сходства мы должны ожидать и от хищников Гелиогабала. Ключ к пониманию этого эпизода дает все правление этого императора. Став императором в юном возрасте, он не мог быть реальным правителем империи: власть была сосредоточена в руках его властной бабки Юлии Месы. Сам же молодой император шокировал римлян аморальными выходками, расточительством и жестокостью, а потому в 222 г. был убит во время солдатского мятежа. Таким образом, тиран оказался на поверку слабым и недолговечным правителем, и шок и страх у римлян достаточно быстро сменился презрением.

При втором упоминании львов автор жизнеописания Гелиогабала сообщает, что эти звери запрягались императором в колесницу, когда он изображал богиню Кибелу (SHA Heliog. 28.2; [Властелины Рима, 1992, с. 147]). Впрочем, второй эпизод не является указанием на какой-то отправляемый Гелиогабалом культ – скорее, это тоже своеобразная забава, смысл которой состоит в чисто маскарадном принятии на себя личины того или иного божества. С тем же успехом император запрягал в повозку тигров в подражание Дионису (SHA Heliog. 28.2; [Властелины Рима, 1992, с. 147]) и, без всякой культовой привязки, собак, оленей (SHA Heliog. 28.1–2; [Властелины Рима, 1992, с. 146–147]) и обнаженных женщин (SHA Heliog. 29.2; [Властелины Рима, 1992, с. 147]). Львы, таким образом, присутствуют в нарративе об императоре в качестве указания на его сумасбродство, но само их упоминание теряется в пестрой мозаике императорских причуд.

Подведем итог. Мы зафиксировали использование образа прирученного, «одомашненного» льва в двух контекстах. В рамках первого образ льва как домашнего питомца рассматривается с точки зрения вопроса о дуализме господства и подчинения. Прирученный вроде бы лев тем не менее не служит господину, но сам вынуждает его подчиняться себе – хотя бы в плане обеспечения ему достойного пропитания. Эта мысль философа Диогена Синопского получает развитие у Тертуллиана, а также используется поэтом Ювеналом при изображении отношений богача и алчной любовницы. Второй контекст относится к области политической истории Античности. Лев – это спутник (и символ) тирана. В рамках этого контекста вплетается большое количество деталей. Это и такие лежащие на поверхности качества хрестоматийного тирана как алчность и жестокость¹, и более сложные элементы – умение тирана подчинить себе общественное мнение (тиран, смиряющий даже льва, способен подчинить себе любого) и его сумасбродство (тиран держит львов для подражания мифическим героям – тому же Гераклу). Вместе с тем и сам лев рядом с тираном может иметь разное «качественное» состояние. Это может быть как лев, сохраняющий свою силу и ярость (лев Каракаллы), так и лев полностью

¹ В этом смысле тирана могут символизировать и другие хищники [Миролюбов, 2020; Миролюбов, 2021].

прирученный и способный к безопасному взаимодействию с человеком (львы Нерона и Гелиолагабала). Во втором случае такой «смирненный» лев подчеркивает слабость самого тирана.

Список литературы

1. *Альбрехт М. фон.* История римской литературы : в 3 т. / пер. с нем. А.И. Любжина. – Москва : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2003–2005. – Т. 1–3.
2. Властелины Рима / пер. С.Н. Кондратьева ; под ред. А.И. Доватура, Д.Е. Афиногенова. – Москва : Наука, 1992. – 383 с.
3. *Грант М.* Римские императоры : биографический справочник правителей Римской империи. – Москва : ТЕРРА–Книжный клуб, 1998. – 400 с.
4. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / ред. А.Ф. Лосев. – Москва : Мысль, 1986. – 571 с.
5. *Кассий Дион Коккейан.* Римская история. Книги LXIV–LXXX / пер. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ : Нестор-История, 2011. – 456 с.
6. *Марциал Марк Валерий.* Эпиграммы / перевод с латинского Ф.А. Петровского. – Москва : Художественная литература, 1968. – 487 с.
7. *Менандр.* Комедии. Фрагменты / изд. подг. В.Н. Ярхо. – Москва : Наука, 1982. – 574 с.
8. *Миролюбов И.А.* Константин Великий в клетке со зверем // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2017. – Т. 21. – С. 571–579.
9. *Миролюбов И.А.* О звероподобии императоров в трактате Лактанция *De mortibus persecutorum* (О смертях гонителей) // Бестиарий как *ars combinatorica* / под ред. О.Л. Кулагиной. – Тула : Аквариус 2020. – С. 88–96.
10. *Миролюбов И.А.* Хищный зверь – признак тирана : о домашних животных римских императоров // Бестиарий ненависти / под ред. О.Л. Кулагиной. – Тула : Аквариус, 2021. – С. 7–20.
11. *Миролюбов И.А.* Об изображениях на печатях римских императоров // В ответ на лучшие дары : венок к 63-му дню рождения Александра Евгеньевича Махова / под ред. О.Л. Кулагиной. – Тула : Аквариус, 2022. – С. 175–183.
12. *Павсаний.* Описание Эллады : [в 2 т.] / отв. ред. Э.Д. Фролов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1996. – Т. 1–2.
13. *Парфенов В.Н.* *Pessimus princeps.* Принципат Домициана в кривом зеркале античной традиции // Античная история и классическая археология. – Москва : ИВИ РАН, 2006. – С. 212–221.
14. *Плиний Старший.* Естественная история. Книга VIII / пер. с лат. и комм. языка И.Ю. Шабага // Труды кафедры древних языков [исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова]. – Москва : Индрик, 2012. – С. 186–227.
15. *Плутарх.* Сочинения / сост. С.С. Аверинцев. – Москва : Художественная литература, 1983. – 703 с.

16. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания : в 2 т. / изд. подг.: С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш. – Москва : Наука, 1994.
17. Римская сатира / сост. и науч. подгот. текста М.Л. Гаспарова. – Москва : Художественная литература, 1989. – 543 с.
18. *Светоний Транквилл Г.* Жизнь двенадцати цезарей / издание подготовили М.Л. Гаспаров, Е.М. Шгаерман. – Москва : Наука, 1964. – 375 с.
19. *Смыков Е.В.* Антоний и Дионис (из истории религиозной политики триумвира М. Антония) // Античный мир и археология. – 2002. – Вып. 11. – С. 80–106.
20. *Смыков Е.В.* Вторая «Филиппика» Цицерона и образ Марка Антония у античных авторов // Античный мир и археология. – 2021. – Вып. 20. – С. 99–124.
21. *Стаций Публий Патиний*. Сильвы / перевод с латинского, предисловие, комментарии, указатель Т.А. Александровой. – Санкт-Петербург : Алетей, 2021. – 249 с.
22. *Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс*. О душе / пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указатель А.Ю. Братухина. – Санкт-Петербург : Издательство Олега Абышко, 2004. – 254 с.
23. *Цицерон Марк Туллий*. Речи : в 2 т. / издание подготовили В.О. Горенштейн, М.Е. Грабарь-Пассек. – Москва : Издательство АН СССР, 1962.
24. [*Цицерон Марк Туллий*]. Письма Марка Туллия Цицерона. Т. 2 : 51–46 годы до н.э. / пер. и комм. В.О. Горенштейна. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1950. – 502 с.
25. *Чисталев М.С.* Антиегипетская политическая пропаганда Октавиана Августа в римской поэзии : образ Клеопатры как врага Рима // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 1(2). – С. 293–300.
26. *Aelian*. On the characteristics of animals : in 3 vol. / with an English translation by A.F. Scholfield. – London : William Heinemann ; Cambridge, MA : Harvard Univ. press, 1958–1959. – Vol. 1–3.
27. *Broughton T.R.S.* The magistrates of the Roman Republic. – New York : The American Philological Association, 1952. – Vol. 2. – 647 p.
28. *Dreyer B. Leaina* // *Der Neue Pauly*. – Stuttgart ; Weimar : Verlag J.B. Metzler, 1999. – Bd. 6. – Col. 1203–1204.
29. *Hamilton J.R.* Plutarch : Alexander. A Commentary. – Oxford : Clarendon press, 1969. – 231 p.
30. *Hekster O.* Commodus : An Emperor at the Crossroads. – Amsterdam : J.E. Gieben, 2002. – 250 p.
31. *Juvenalis D. Iunii Satirae* / cum comm. C.F. Heinrichii. – Bonnae : apud Adolphum Marcum, 1839. – 558 p.
32. *Kleiner D.E.E.* Roman Sculpture. – New Heaven ; London : Yale Univ. press, 1992. – 477 p.
33. *Loar M.L.* Hercules, Caesar and the Roman Emperors // *The Oxford Handbook of Heracales* / Ogden D. (ed.). – New York : Oxford Univ. press, 2021. – P. 507–521.
34. Atlas of terrestrial mammals of the Ionian and Aegean islands / *Masseti M.* (ed.). – Berlin ; Boston : De Gruyter, 2012. – 302 p.

35. *Masetti M., Mazza P.P.A.* Western European Quaternary lions : new working hypotheses // *Biological journal of the Linnean society.* – 2013. – Vol. 109, N 1. – P. 66–77. DOI:10.1111/bij.12032.
36. *Montanari F.* *The Brill Dictionary of Ancient Greek.* – Leiden ; Boston : Brill, 2015. – 2433 p.
37. *Oxford Latin dictionary.* – Oxford : Clarendon press, 1968. – 2126 p.
38. *Patterson L.E.* Heracles as Ancestor // *The Oxford Handbook of Heracles* / Ogdan D. (ed.). – New York : Oxford univ. press, 2021. – P. 418–431.
39. *Schulz V.* *Deconstructing Imperial representation : Tacitus, Cassius Dio, and Suetonius on Nero and Domitian.* – Leiden ; Boston : Brill, 2019. – 410 p.
40. *Smith D.S.* *Man and animal in Severan Rome : the literary imagination of Claudius Aelianus.* – Cambridge : Cambridge univ. press, 2014. – 308 p.